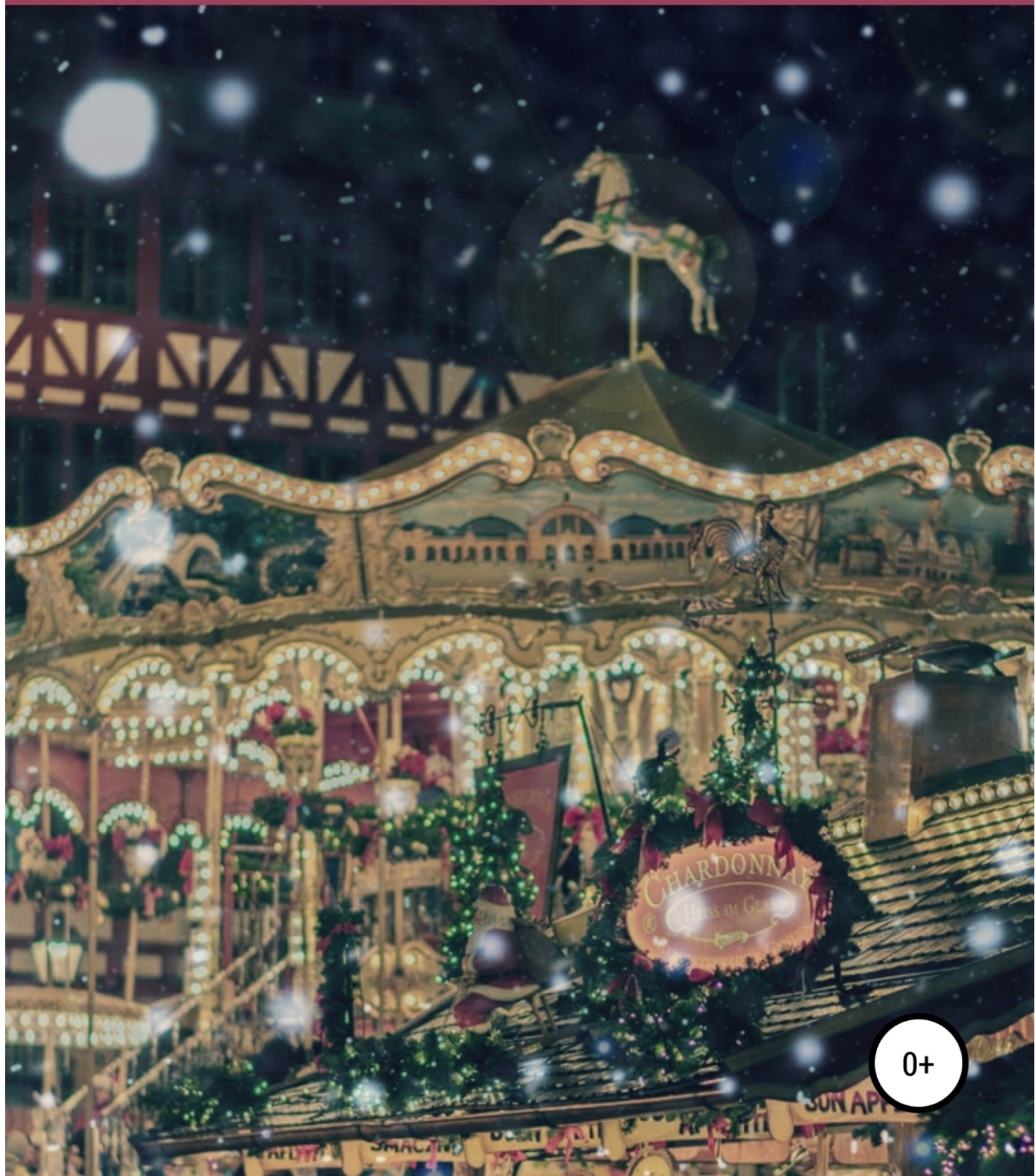

Кравец Алёна

Клубника в шоколаде

Алёна Кравец

Клубника в шоколаде

«Автор»

2020

Кравец А. В.

Клубника в шоколаде / А. В. Кравец — «Автор», 2020

Сочельник, за окном опускаются пушистые снежные хлопья, а в камине потрескивают поленья. Маленький Никки хочет сделать особенный подарок маме на это Рождество, но путь к нему оказался не так то прост. Заснеженный город, полный сюрпризов, раскрывает ему свои объятия!

© Кравец А. В., 2020

© Автор, 2020

Алёна Кравец

Клубника в шоколаде

Клубника в шоколаде.

Тихо позвякивали спицы в руках пухлой и тёплой няни Пэтти. Толстый коричневый чулок тянулся от проворных шершавых ладоней, по накрахмаленному переднику, через колено и спускался почти до пола. На какие длинные ноги нужны такие чулки?... Может, няня стала вязать на заказ для городского зоопарка? Жирафам, наверное, холодно зимними вечерами, уже неделю стоят морозы и падает густой, пушистый снег. А видели жирафы снег?... Может, они даже пробовали его, высунули головы в окно и ловят щекотные хлопья своими бархатными губами?..

Так думал Ник, рассеянно катая по ковру красную лакированную машинку. Они недавно пообедали, мама наскоро выпила чашку бульона с пирогом, поцеловала его в макушку и снова убежала наверх, к Лиззи. Маленькая сестрёнка болела уже несколько дней, у неё была температура, и мама почти всё время сидела в детской, читала ей книжки и баюкала на руках. Сегодня Рождество, а мама устала, и мало спит. Но он её обрадует! Ведь больше всего на свете мама любит клубнику в шоколаде.

Конечно, ещё ей нравится пить чай, маленькой ложечкой зачерпывая из вазочки варенье из розовых лепестков. И нравится, когда все дома, в гостиной, играют, читают и разговаривают. И ходить в театр. Но Ник же не может сводить маму в театр на Рождество: туда детей не пускают, и где театр находится он не знает, и за Лиззи надо ухаживать как следует, чтобы она поскорее поправилась. А клубнику в шоколаде он может!

Ник накопил целых 8 фунтов, с утра перевязал монетки носовым платком, чтобы не гремели по дороге, и спрятал своё сокровище в карман пальто. Сейчас чуть больше трёх, Пэтти допивает вторую чашку чая с кексом, и всё медленнее постукивают спицы в её руках. Скоро она, как обычно, задремлет в своём кресле, папа вернётся с работы не раньше 6, а мама наверху. За углом, у французской кофейни, где иногда они покупают эклеры и печенье, есть остановка. Если сесть на ней в большой красный автобус, проехать минут 10 и выйти у жутковатой на вид церкви с высокими острыми шпилями и крестами, а потом свернуть на ближайшем перекрестке направо – будет улица, ведущая к парку. А на ней магазин с конфетами, вареньями и конфитюром. На розовые лепестки 8-ми фунтов, наверное, не хватит, а вот клубника стоит чуть больше 6, и можно будет купить ещё яркий полосатый леденец на сдачу. Дерзкий план был составлен досконально, оставалось только дожидаться мирного сопения няни. А пока Ник усердно делал вид, что увлечён игрой и ничегошеньки не замышляет, ровным счётом ничего. И нервничал. И слушал. И выжидал.

В углу гостиной уже стояла нарядно украшенная Рождественская ёлка. В воскресенье они все вместе вешали на неё конфеты с черносливом, мелкие сладкие мандарины, блестящие снежинки и сосульки, вырезанных из открыток ангелов и снеговиков, серпантин и кучу другой яркой, праздничной чепухи. А под ёлкой бугрилась белая простыня. Ник подглядел, как вчера папа что-то запихивал под неё и тихонько ругался под нос, потому что места на всё не хватало, а еловая лапа норовила залезть в нос и кололась.

Папа был строгий. Но добрый, и очень, очень умный! Он всегда всё знал, и как слоны обнимают друг друга хоботами, и почему звёзды не падают, и зачем Ник поставил подножку Мари на горке, и как лечить ссадины после падения с дерева, в общем всё, о чём бы ни спросил его сын, он знал. А когда малышка Лиззи шлёпала его крохотными ладошками по щекам и улыбалась, папа заливался краской и хохотал, как будто сам ещё был ребёнком. Но брат ничуть не ревновал, нет! Мама часто рассказывала, что папа так же хохотал раньше, когда маленький ещё Ник дёргал его за усы.

Мама... Она у них нежная, и очень ласковая. Всегда пахнет молоком, и ванилью, и клубничным мылом. И знает миллион разных игр, шумных и тихих, но очень интересных, а может и миллиард, или даже больше, таких чисел Ник и не знает. А сейчас мама грустная и уставшая, потому что Лиззи болеет. Но клубника обязательно её обрадует!

Ник поднял голову от ковра и карие глаза его засияли – спит! Пора! Мальчик мышкой выскочил в коридор, нахлобучил на непослушные волосы шапку, накинул на шею шарф, проверил – на месте ли копилка? Жестяная коробочка из-под леденцов, с ярким индийским слонем на крышке, лежала во внутреннем кармане, поближе к сердцу. Варежки в зубы, ноги в сапожки – и бегом, пока никто не успел ему помешать. Пара мелких монет в кармашке снаружи, если контролёр потребует оплатить проезд. Меньше чем через час мальчик планировал вернуться, а если спросят, куда пропал – соврать, что выходил во двор, проверить, работают ли гирлянды на балконе, или слепить снежную бабу под окнами Лиззи, или ещё что. То-то мама удивится, найдя под елкой в полночь любимое лакомство!

На ходу застегивая пуговицы, Ник бросился к остановке. Высокий красный автобус уже приближался к перекрестку с другой стороны, они повернули одновременно, мальчик рванул вперёд и вскочил за группой шумных школьников на последнюю площадку. Внутри было тесновато и жарко, окна запотели, а люди радостно переговаривались и толкались набитыми сумками. Все предвкушали праздник, подарки и вкусные кушанья. Кондуктор сидела на своём кресле, румяная и растрёпанная, и только улыбалась пассажирам – протиснуться сквозь толпу, чтобы собрать деньги за проезд, было решительно невозможно, как и перекричать многоголосьй гомон десятков восторженных голосов.

Первая остановка. Из автобуса медленно вышла седая хрупкая старушка, бережно прижимая к груди огромную коробку сахарного печенья. А сразу за ней зашли четверо мужчин, таких пузатых, что двери за ними едва закрылись. От них пахло чем-то горьковатым и щекотным, лица их покраснелись, а голоса были хриплыми и чересчур громкими. Зато рядом с ними никто не замечал маленького Ника, которому, вообще-то, не положено было в его возрасте кататься на автобусе без родителей.

Вторая остановка. Из передних дверей кто-то вышел, и кто-то зашел, но на задней площадке все только крепче взялись за поручни перед отправлением. За мутными стеклами начали появляться яркие пятна – на улицах загорались огни. Начинались сумерки.

Третья! Едва автобус затормозил, Ник ужом просочился между животами и коленями шумных мужчин, юркнул в щёлку раскрывающихся дверей – и замер на тротуаре в нерешительности. Перед ним была грязная, серая стена абсолютно незнакомого дома. Несколько тяжёлых дверей с пыльными стеклами, чугунные козырьки, и ни одной вывески. Мальчик посмотрел направо – длинная однообразная улица упиралась в такой же серый дом и расходилась в обе стороны, в неизвестность. Налево – ещё один перекресток, какой-то крохотный сквер

и замерзший фонтан. В этот момент автобус поглотил последних пассажиров, закрыл яркие красные дверцы и рванул из этого недружелюбного квартала куда подальше. Ник остался на остановке совсем один.

Откуда было знать маленькому мальчику, что мимо его дома проходит с десятков разных маршрутов, и далеко не каждый из них едет к парку? Они часто гуляли с семьёй по бульвару у дома, или ходили в гости к бабушке с дедушкой на соседнюю улицу, или ездили нарядные в настоящем экипаже на званый ужин, или отправлялись на красном автобусе в парк. А других районов города Ник не знал.

Ночь медленно опускалась на скучный переулок. В окнах домов кое-где загорелись огни, и они как будто стали теплее и дружелюбнее, но всё ещё были чужими. Снег медленно покрывал дорогу, покрывал собой плечи и шапку, норовил приземлиться на ресницы. Ник со всей силы сжал кулачки, тряхнул упрямо головой и потопал к фонтану. Вдруг этот сквер – отдаленная часть парка? Тогда он сразу найдёт дорогу к дому, уж парк-то он знает наизусть!

Но нет. Двухэтажный желтый дом, светящийся каждым окошком, обогнул небольшую площадь, словно удав, в центре росло несколько елей и дубов, дорожки обрамляла подстриженная живая изгородь. Заметённый большим сугробом фонтан в центре казался заснеженной горой. И вокруг – тишина. Ни прохожего, ни гуляющих детей, даже нет ни одной цепочки следов на свежем снегу между тёмными стволами деревьев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.